

Э. Д. МАНЕВИЧ

ТАКИЕ БЫЛИ ВРЕМЕНА

Перед финалом

После защиты диссертации в апреле 1940 г. я получила направление в Карельский государственный педагогический институт на должность преподавателя дарвинизма. В том же году в июле пединститут был преобразован в Карело-финский государственный университет (ныне Петрозаводский госуниверситет). Там я читала курсы общей биологии и дарвинизма, кроме того, после образования университета меня назначили на должность декана биофака. Генетику преподавал Адольф Иванович Зуйтин, известный «формальный» генетик. Он не жил постоянно в Петрозаводске, а приезжал из Ленинграда, как и многие преподаватели других факультетов. Ни он в курсе генетики, ни я в курсе дарвинизма никаких лысенковских идей не проводили, одним словом, читали «нормальные» курсы генетики и дарвинизма.

В конце августа 1941 г. я эвакуировалась. А. И. Зуйтин погиб во время блокады Ленинграда. После эвакуации я в Петрозаводск не вернулась, а в 1943 г. приехала в Москву и была зачислена на должность доцента кафедры зоологии Московского зооветеринарного института (МЗВИ). Летом 1943 г. большинство сотрудников Кольцовского института (не могу называть его иначе) вернулись из эвакуации и там возобновились коллоквиумы. Не все сотрудники лаборатории Н. П. Дубинина возвратились с фронта, однако научная работа и в этой и в других лабораториях велась почти так же интенсивно, как и до войны. Я была благодарна Н. П. Дубинину за то, что он позволил мне «внештатно» заниматься научной работой в его лаборатории. Невольно вспоминаю особенности Кольцовского института, его дух, который сохранился и после того, как самого Николая Константиновича не стало. Не думаю, чтобы в каком-нибудь современном учреждении дали возможность вести научную работу лицу, не состоящему в штате. А такую возможность Кольцовский институт предоставил не только мне, но и другим научным работникам.

Мне хотелось максимально использовать время для проведения экспериментальной работы в области популяционной генетики, но это трудно было совмещать с моей основной работой в МЗВИ. Вскоре освободилось место старшего научного сотрудника в Биологическом музее им. Тимирязева, который в то время возглавлял Б. М. Завадовский, и я заняла эту должность. Тогда музею еще не вернули его собственное здание на Малой Грузинской и он временно ютился в помещении Исторического музея. Несмотря на то, что, по словам самого Бориса Михайловича, он только на 5% стоял на позициях «формальной» генетики, он охотно включил мою тему в план научной работы музея. Рабочее место мое по-прежнему оставалось в Кольцовском институте, где я получала микроскоп, пробирки и корм для дрозофилы.

В 1945 г. Академия наук СССР праздновала свое 220-летие. Юбилейная сессия состоялась 15 и юня — 3 июля. На сессию были приглашены иностранные гости. Это казалось невероятным! Ведь только оттремели последние залпы самой страшной, самой изнурительной войны, а наша страна нашла возможность принять гостей. На сессии был дан отчет о той большой работе в разных областях науки, которая не прекращалась даже в тяжелейшие годы войны. Гости посетили не только Москву, но и Ленинград. Среди них были известнейшие биологи, члены Королевского общества д-р Джулиан Хаксли (Гексли) и д-р Джозеф Нидхэм. Наибольший интерес они проявили к научным проблемам, разрабатываемым в Кольцовском институте. Дж. Хаксли, внук Томаса Гексли, соратника Дарвина, был ученым энциклопедического типа: эволюционистом, систематиком, эмбриологом, орнитологом. Его интересовали все направления эволюционной биологии. К Хаксли и Нидхэму присоединился еще один ученый, физиолог растений проф. Эрик Ашби, который уже в течение года находился в Советском Союзе в качестве советника по науке

© Э. Д. Маневич

Окончание. Начало см. в № 1 за 1993 г.

при австралийском посольстве. Меня попросили быть переводчицей во время посещения Хаксли и Ашби лаборатории Кольцовского института.

На юбилейной сессии должен был выступить с докладом Т. Д. Лысенко, которому к этому событию вместе с академиками Л. А. Орбели и Д. И. Прянишниковым было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Доклад Лысенко о научной деятельности Института генетики состоялся на 3-м заседании общего собрания Отделения биологических наук. Как всегда при его выступлениях, зал был переполнен. Рассказывая о направлениях исследований, ведущихся в руководимом им институте, Лысенко подробно остановился на своей теории процесса оплодотворения, согласно которой лучшая яйцеклетка выбирает лучший сперматозоид, происходит, так сказать, «брак по любви», причем сам процесс заключается в «пожирании» одной клетки другой. Наследование признаков в первом поколении зависит от того, какая именно клетка «сожрала» другую. Я сидела между Ашби и Хаксли и переводила все сказанное, стараясь не отставать от докладчика. Когда я перевела фразу о «пожирании» одной клетки другой, оба ученых одновременно вздрогнули. Хаксли поправил очки. Из зала кто-то задал вопрос: «А как объяснить расщепление признаков во втором поколении?» Лысенко невозмутимо ответил: «Это — отрыжка». Во время перерыва Хаксли и Ашби положили друг другу руки на плечи, посмотрели в глаза друг другу и глубоко вздохнули. Лица их были непроницаемы, но они признались, что ничего более потрясающего не слышали с кафедры научного заседания.

Лысенко пригласил Хаксли и Ашби к себе в институт. По-видимому, кто-то сообщил администрации Института генетики, что в Кольцовском институте я выполняла функции переводчицы. Со мной связалась ученый секретарь лысенковского института и предложила вполне официально и за приличную мзду выполнять эти функции при встрече Лысенко с зарубежными гостями (естественно, в Кольцовском институте я делала это на общественных началах). Точно не смогу воспроизвести состоявшуюся беседу, скажу лишь что новизной она не отличалась: Лысенко говорил все о том же. Гости в полемику не вступали, а только задавали интересующие их вопросы и вежливо кивали, получив ответ. Но обстановка, в которой происходил прием, внешний вид и голос Лысенко врезались в память. Та же худоба, то же изможденное лицо, тот же угрюмый недоверчивый взгляд маленьких серых глаз, тот же хриплый голос. Время от времени он поглаживал зачесанную набок челку. Он ни разу не улыбнулся. Правда, однажды, не помню где и когда, я видела его улыбающимся. Меня тогда удивило что в этот момент его лицо стало более привлекательным. Кажется, Толстой сказал, что по улыбке можно судить о человеке. По-видимому, это не совсем так, все гораздо сложнее. Во всяком случае, личность Лысенко для будущего историка, психолога и философа представляет несомненный интерес. Прием состоялся в просторной комнате, наверно, в кабинете директора. В середине комнаты на большом столе были расставлены умопомрачительные угощения: бутерброды с черной икрой, красной рыбой, ветчиной, вазы с шоколадными конфетами «Мишка» и «Трюфель». Все в купеческом изобилии — знай наших! А ведь только месяц назад кончилась война, и в стране была карточная система. До сих пор мне досадно, что я ни к чему не притронулась, постеснялась, посчитала для себя неудобным. Нет ничего досадней, чем воспоминания об упущенных возможностях! В Кольцовском институте Хаксли и Ашби провели много времени, общались с сотрудниками. Они приняли участие в нескольких коллоквиумах (в лабораториях цитогенетики и механики развития), а на общеинститутском научном заседании Хаксли выступил с докладом «Генетика и эволюция». Никаких угощений, кроме духовных, здесь, естественно, не было.

Во время беседы Лысенко, предложил гостям посетить опытные делянки института, где осуществлялось «воспитание» растений. Хаксли не мог воспользоваться приглашением, так как он приехал всего лишь на две недели и уже успел побывать не только во всех интересующих его научных учреждениях Москвы, но и Ленинграда. Этим приглашением воспользовался Ашби, и несколько дней спустя мы посетили делянки. Помню, что о своих опытах рассказывал В. Н. Столетов*. Ашби внимательно его слушал, задавал вопросы, казалось, даже любовался хорошо ухоженными зелеными делянками и вежливо кивал головой. Взгляд непроницаемый, по выражению лица

* Тогда я о нем почти ничего не знала. Правда, в центральной печати время от времени появлялись его статьи, в которых он крушил «чуждые теории в агрономии». Но в те времена «громил» было много, да и тематика его статей меня мало интересовала. Но сразу же после сессии 1948 г., в которой Столетов принимал самое деятельное участие, он станет директором Тимирязевской академии, сменив на этом посту акад. В. С. Немчинова, отстраненного от должности за защиту менделиста-морганиста А. Р. Жебрака; затем — министром высшего образования СССР, министром высшего и специального среднего образования РСФСР, президентом Академии педагогических наук, кандидатом в члены ЦК КПСС. Вот что значит правильно выбрать путь в науке! Впоследствии Столетов быстро отреагирует на новые веяния и в 1967 г. напишет предисловие к переведенной с английского языка книге Мюнцгина «Генетика», изложенное вполне грамотным языком «формальных» генетиков, которых он громил в своей речи на сессии 1948 г., а также в своих «трудах» и статьях после сессии. Впрочем, душа спасенная ценится выше души праведной.

нельзя понять, как он относится ко всему виденному и слышанному. Я спросила: «Не станете ли вы прозелитом?» На что он ответил, едва заметно улыбаясь: «Как знать?».

Некоторое время спустя по приглашению заведующего Кропотовской биостанцией Е. Н. Болотова Ашби посетил эту опытную базу Кольцовского института. Здесь уже не было непроницаемого взгляда, вежливых киваний головой. Здесь ученый говорил заинтересованно с учеными, сумевшими в самые тяжелые годы войны продолжить на высоком уровне свои исследования с тетраплоидной гречихой, с другими полиплоидами, с тутовым шелкопрядом, а также в области популяционной генетики.

Мне не давал покоя один вопрос: что обо всем этом напишет Хаксли? В том, что он будет писать, никакого сомнения быть не могло. Он впервые открывал для себя Россию, да в какое время — сразу после войны. Хаксли — внук классика науки и сам при жизни классик. Он представитель научной аристократии и при всей демократичности своего поведения об этом не забывал. Кто бы посмел задать ему вопрос: «А что вы напишете о советской науке, как вы представите перед западной научной общественностью положение в советской науке?» А вдруг он напишет, что официально ведущее положение занимает Лысенко, который с кафедры провозглашает невероятные вещи, при этом научная общественность, Академия наук СССР не только не дают ему отпор, но представляют на соискание Государственных премий (дважды, в 1941 и 1943 гг.). Тогда Хаксли попадет в разряд клеветников и злопыхателей, врагов Советской России; если же он похвалит работы генетиков и эволюционистов, то их отнесут в разряд прихвостней империализма. Счастливый случай помог мне набраться смелости и начать такой разговор. В Москве существовал и ныне существует Дарвиновский музей, основанный замечательным натуралистом и пропагандистом дарвинизма Александром Федоровичем Котсом при Высших женских курсах. После революции это учебное заведение было преобразовано во 2-й МГУ, а затем в Московский государственный педагогический институт. В музее была великолепная коллекция экзотических бабочек, частично собранная самим Котсом. Во время своего длительного пребывания в Англии Котс встречался с Хаксли. Быть в Москве и не познакомиться с Котсом было бы крайне досадно, и Хаксли непременно хотел посетить музей, но никто из тех, на чьем попечении он официально находился, не знал, где располагается этот музей. Мне же Дарвиновский музей был хорошо знаком, ведь он помещался в моей *alma mater* на Малой Пироговке. Уже тогда помещение было слишком тесным для всего экспонируемого материала, поэтому в музей водили в основном школьников на учебные экскурсии.

Итак, мы с Хаксли отправились на свидание с Котсом. Хаксли пришел в отличное настроение, и я решила высказать свои опасения, как бы написанное им о советской науке не повредило генетике и генетикам. Перед отъездом Хаксли я попросила его принять меня. Он выслушал мои соображения и сказал: «Подумаю». Через некоторое время я получила от него экземпляр журнала «Nature» (1945, т. 156), где в разделе «Наука в СССР» была напечатана статья Хаксли «Эволюционная биология и родственные науки». В статье давалась очень высокая оценка работам исследователей разных отраслей биологии в нашей стране. О Лысенко сказано очень коротко. Наибольший интерес представляет характеристика положения биологической науки в Советском Союзе в тот период. Прочитав то место в статье, которое дает четкое представление об объективности и доброжелательности суждения Хаксли: «В СССР осуществляется совместная разработка проблем эволюции с разных сторон... Подход в основном является неodarвинистическим с признаками неоменделизма... Это тем более интересно, потому что в СССР неodarвинизм находится в резком противоречии с революционными воззрениями ботаника и агронома Лысенко. Выводы и теории Лысенко требуют самостоятельной статьи... Лысенко занимает очень высокое положение как в науке в качестве президента Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. Ленина, так и в политике в качестве заместителя председателя Верховного Совета. Однако, несмотря на это, селекционисты неоменделистского и неodarвинистического направления продолжают плодотворную работу (таким образом опровергая заявления некоторых нерусских ученых, что в СССР научная теория всегда подчиняется политическим соображениям)». Этот экземпляр журнала хранится у меня до сих пор.

В еженедельнике «Британский союзник» (1945, N 28), издаваемом на русском языке Британским посольством в СССР, были напечатаны статьи Нидхэма, Хаксли и Ашби о развитии исследований, соответственно, в области эмбриологии, проблем эволюции и ботаники в Советском Союзе. Статья Хаксли вкратце суммирует то, что в развернутом виде изложено в упомянутой выше статье из журнала «Nature». Особое внимание уделяется работам Дубинина, Ромашова, Оленова по мутагенезу, изменчивости и отбору в природных популяциях, а также работам акад. Колмогорова и сотрудника Кольцовского института А. А. Малиновского в области математической генетики. В статье Ашби дается высокая оценка исследованиям в области ботаники и физиологии растений; как большое событие отмечается выход в свет 10-го тома «Флоры СССР» (1941 г.) и издание ботанической карты СССР. Особое место отводится Институту физиологии растений АН СССР, руководимому в то время Н. А. Максимовым (опи-

савшим явление стадийности развития растений до Лысенко, но затем отказавшимся от своего приоритета). Этот институт он назвал лучшим учреждением такого типа в мире. И ни в статье Хаксли, ни в статье Ашби не было ни слова о Лысенко. Лысенко — это не наука, это явление другого порядка, и рассматривать его «труды» в одном ряду с научными достижениями, которые поразили иностранных ученых своими масштабами, несмотря на трудное время, они считали недопустимым.

Итак, казалось, страсти постепенно затихают, генетиков оставили в покое, и они продолжали работать в том же направлении, в котором работали на протяжении многих лет. Конечно, лысенковцы все еще нападали на генетиков, особенно со страниц журнала «Ярвизация», а иногда и со страниц центральной печати (правда, реже), но они не имели той силы, какой отличались в предвоенные годы. В 1946 г. произошли события, свидетельствовавшие об укреплении позиций генетиков и их сторонников: Н. П. Дубинин был избран членом-корреспондентом АН СССР, а М. М. Завадовский получил Сталинскую премию за свои работы по многоплодию у сельскохозяйственных животных. Это как бы подкрепляло утверждение Хаксли, что в СССР научная теория «не подчиняется политическим соображениям». Для меня лично этот период был особенно счастливым. В 1947 г. по приглашению Ивана Ивановича Шмальгаузена меня принимают на должность старшего научного сотрудника Института зоологии МГУ и определяют на кафедру дарвинизма. Об этом можно было только мечтать!

Таким образом, начиная с 1945 г. тучи над генетикой стали как будто рассеиваться. Даже шла речь об организации института, где исследования в области цитологии и генетики велись бы на современном уровне, — нечто противоположное Институту генетики, руководимому Т. Д. Лысенко. За создание такого института, руководящее положение в котором должны были занять сотрудники лаборатории Н. П. Дубинина, горячо и убежденно ратовал акад. А. И. Опарин*. Акции Лысенко стали неуклонно падать. Как уже говорилось выше, о применении ярвизации в широких масштабах никто и не помышлял, обещанные путем перевоспитания морозоустойчивые сорта зерновых так и не появились. Но особенность Лысенко заключалась в том, что он умел сразу откликаться на злободневные проблемы и предлагать удивительно простые решения. То, что они не сработают, значения не имело. Главное — сделать заявку, поднять шумиху. А потом, если не сработают, то неудачу можно «перенести на чей-то счет», как сказал Твардовский, но о другом деятеле:

Да, он умел без оговорок,
Внезапно - как уж припечет —
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет.

Одним из примеров такого быстрого реагирования на «текущий момент» может служить предложение использовать во время войны верхушки клубней продовольственного картофеля для посадок. Об этом приеме сразу зазвонили во все колокола. В 1942 г. выходит брошюра Лысенко «Больше заготовить продовольственного картофеля». В каталоге Ленинской библиотеки, где «труды» Лысенко занимают пол-ящика (ибо каждая строчка, когда-либо им написанная, фигурирует в качестве «труда»), эта брошюра повторяется 21 раз, так как она была выпущена разными издательствами Москвы, Ташкента, Уфы, Чебоксар и других городов. Прием этот, давно применяемый при нехватке посадочного материала в приусадебном хозяйстве, вряд ли мог быть использован в широких масштабах в хозяйствах, выращивающих картофель для сдачи государству, да еще в условиях войны при острой нехватке рабочих рук. Но уже в марте 1943 г., прежде чем могли быть учтены хоть в какой-то мере результаты внедрения этого приема, Лысенко получает за него Сталинскую премию!

Возвращаясь к 1945—1946 гг., можно сказать, что имевшегося к этому времени «научного багажа» у Лысенко оказалось маловато. И он пускается в новый путь, в «глубокую теорию». Он вносит свою лепту в дальнейшее развитие дарвинизма. Одновременно в журналах «Совхозное производство» (№ 1) и «Селекция и семеноводство» (№ 1—2) за 1946 г. выходит его статья «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция», в которой объявляется, что в природе внутривидовой конкуренции не существует, а происходит только межвидовая борьба, ибо, образно говоря, заяц зайца не ест, а волк зайца ест. К статье дана сноска, что это лекция, прочитанная на курсах повышения квалификации работников Госселекстанций Наркомзема СССР 5 ноября 1945 г. Лысенко рассматривает лежащие в основе эволюции факторы, установленные Дарвином, и заявляет, что он не согласен с дарвиновской трактовкой перенаселенности, потому что «самой перенаселенности в природе, как правило, не было, нет и не может быть» (подчеркнуто Лысенко). Такой категорический вывод Лысенко делает на основе

* Акад. Опарин, как барометр, чутко реагировал на изменения погоды. Так, после 1948 г., сменив акад. Л. А. Орбели на посту академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР, он с пафосом громил менделистов-морганистов.

опытов с гнездовыми посадками черенков каучуконоса кок-сагыза (одуванчика), которые, по его данным, показали, что урожай этого растения выше при посадках нескольких семян или черенков в гнездо, чем при посадках отдельных семян или черенков. В том же номере «Селекции и семеноводства» была напечатана критическая статья «Дарвин в кривом зеркале» крупнейшего ботаника, специалиста по эволюции культурных растений акад. П. М. Жуковского, который на 9 страницах мелким шрифтом приводит обширный фактический материал из области ботаники и зоологии, подтверждающий внутривидовую конкуренцию. Лысенко молниеносно отреагировал: в мартовском номере «Селекции и семеноводства» он помещает хлесткую статью на двух с половиной страницах крупным шрифтом, озаглавленную «Не в свои сани не садись», в которой он всячески бранится, но никаких опровергающих доводов даже не пытается привести. Эта же статья затем появляется 28 июня 1946 г. в «Правде». Несколько позже, 18 октября 1947 г., в «Литературной газете» напечатано любопытнейшее интервью корреспондента газеты с акад. Лысенко*. Перечитывая его сейчас, я от души развеселилась. Но в то время было не до веселья: интервью вызвало возмущение и тоску. Корреспондент задает такие вопросы: «Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых? почему буржуазные ученые, особенно американцы, восстают против гнездового метода посадки?» И ответы: «Отсутствие внутривидовой конкуренции впервые доказано в нашей стране. Буржуазная наука не только не знала этого, но не может принять уже готовые наши выводы об отсутствии в природе внутривидовой борьбы... Буржуазные ученые умалчивают, что при борьбе за пищу и т. д. идет борьба межвидовая... Я снова утверждаю, что еще никто не приводил и не приведет в науке ни одного примера наличия в природе конкуренции внутри вида».

Эта новая грань лысенковской мысли всполюшила широкий круг зоологов, ботаников и других биологов, не имевших отношения к генетике. Да и лица, занимавшие в прежних дискуссиях «третью линию» и разделявшие точку зрения Лысенко по вопросам изменчивости и наследственности аж на 95%, были потрясены. И вот в стенах МГУ 4 ноября 1947 г. развернулась дискуссия по внутривидовой борьбе. На открытом заседании Ученого совета биофака в Коммунистической аудитории, набитой слушателями до отказа, выступили с докладами сравнительный анатом, крупнейший специалист в области эволюционной морфологии, теоретик-эволюционист акад. И. И. Шмальгаузен; виднейший зоолог с мировым именем проф. А. Н. Формозов и крупнейший специалист в области питания растений проф. Д. А. Сабинин. Все три доклада были опубликованы в виде отдельной брошюры в начале 1948 г. Как уже говорилось выше, свои выводы об отсутствии внутривидовой конкуренции не только в растительном, но и в животном мире Лысенко сделал на основании опытов с гнездовыми посадками семян и черенков кок-сагыза. Так вот, Формозов, известнейший зоолог и натуралист, в своем докладе привел огромный фактический материал, свидетельствующий о наличии жестокой внутривидовой конкуренции, в частности, у тех же зайцев, особенно в «урожайные» годы, о вынужденных переселениях зайцев в связи с нехваткой пищи. Он приводил примеры из жизни рыб, птиц, млекопитающих: борьба за территорию, за участки гнездования, за самку, за пищу. Формозов указал, что невозможно организовать правильное, научно обоснованное лесное и охотничье хозяйство без учета внутривидовых отношений. Сабинин в свою очередь проанализировал данные по гнездовым посадкам кок-сагыза и наглядно показал всю вздорность лысенковских утверждений об отсутствии внутривидовой конкуренции на его, Лысенко, собственном материале.

Новые «теоретические положения» Лысенко касались уже не только генетики, но и всей биологии и сельскохозяйственной практики в целом. До появления статьи Лысенко об отсутствии внутривидовой конкуренции и его далеко идущих выводов, основанных на статистически неграмотно обработанном материале, многие исследователи, работавшие в областях, не связанных с генетикой (а широкая публика тем более), считали, что обе стороны имеют право отстаивать истину (так, пожалуй, было удобней считать — моя хата с краю). Но тут стало совершенно очевидно, что Лысенко и его сторонники никакой научной истины не отстаивают, что они борются за власть, за всеобъемлющую власть, причем в этой борьбе все средства хороши.

3—8 февраля 1948 г. в МГУ состоялась конференция по проблемам дарвинизма, на которой выступили 36 участников из разных городов и селекционных станций СССР. Рассматривались различные аспекты борьбы за существование, естественного отбора и видообразования у диких и культурных растений и животных. Как и на заседании Ученого совета биофака, на этой конференции никто из лысенковцев не выступил, не было ни малейшей попытки опровергнуть приведенный огромный фактический материал. Годом раньше, в марте 1947 г., кафедра генетики МГУ провела большую конференцию по семи разделам генетики, в частности, было сделано 11 докладов по генетике сельскохозяйственных животных. И в этой конференции лысенковцы участия не принимали.

* Интересно отметить, что в списке научных работ и статей Лысенко, составленном И. Е. Глушенко и помещенном в книге «Агробиология», фигурирует и это интервью.

Оттепель, наметившаяся в послевоенные годы, объяснялась тем, что влиятельные лица в партийном руководстве, особенно А. А. Андреев, стали оказывать поддержку генетикам. Интересно отметить, что в этот период заведующим сектором науки ЦК ВКП(б) был Юрий Андреевич Жданов, сын А. А. Жданова. 10 апреля 1948 г. он выступил в Политехническом музее на семинаре лекторов с резкой критикой Т. Д. Лысенко. Спасти Лысенко могло только что-то из ряда вон выходящее, что-то совершенно неожиданное: гром среди ясного неба, смерч, тайфун, причем неожиданное не только для малопосвященных, но и для лиц в самом высоком руководстве. Таким неожиданным событием для всех явилась сессия 1948 г., подготовка к которой велась в глубокой тайне. Сессия была настолько непредвиденным событием, что многие заинтересованные лица не смогли присутствовать на ней. Доклад Лысенко был продуман во всех деталях и даже отредактирован, как писал сам Лысенко в статье «Корифей науки», Сталиным: «Сталин... подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как излагать отдельные места доклада» (Правда. 1953. 8 марта).

Сессия открылась 31 июня, а за три дня до этого в «Правде» появилось сообщение о постановлении СНК СССР от 15 июня, согласно которому без каких-либо выборов 35 человек утверждались действительными членами ВАСХНИЛ; среди них самые ярые сторонники Лысенко, такие как Презент, Авакян, Беленький, Долгушин, Гребень, Бушинский и др. Таким образом, нарушался принцип выборности академиков. Просто постановлением СНК ввели в состав ВАСХНИЛ угодных Лысенко лиц!

Сессия ВАСХНИЛ 1948 года

Вдруг из подворотни
 Страшный великан,
 Рыжий и усатый
 Та-ра-кан!
 Он рычит и кричит
 И усами шевелит:
 «Погодите, не спешите
 Я вас мигом проглочу!
 Проглочу, проглочу,
 не помилую».
 Звери задрожали,
 В обморок упали.

К. Чуковский «Тараканище»

Итак, в разгар лета, когда большинство биологов находились кто в экспедициях, кто на биологических станциях, а кто в отпуске, открылась сессия ВАСХНИЛ, отраслевой академии, призванной осуществлять научное руководство сельским хозяйством страны. Однако доклад президента был посвящен одному вопросу: о положении в биологической науке. Это само по себе было, мягко говоря, очень странно. Ведь существует Академия наук СССР с Отделением биологических наук и если уж обсуждается положение в этой отрасли знания, то логически оно должно было бы состояться на сессии АН СССР. Докладчиком мог быть тот же Лысенко, ибо он был действительным членом АН СССР. Но тогда результаты сессии были бы непредсказуемы, так как в АН СССР не только биологи, но и математики, и физики, и химики могли не оказать поддержки Лысенко, а предстояло учинить полный разгром, убрать с дороги все то, что хоть в малейшей степени препятствовало его устремлениям. Собственно, для достижения этой цели и был почти полностью обновлен состав ВАСХНИЛ. О том, что сессия состоится, многих известили либо в последнюю минуту, либо вовсе не известили. По докладу выступили 55 человек. Из них только 8 в той или иной мере оспаривали положения, выдвинутые Лысенко. Получилась желаемая картина мощного наступления «нового, передового» на жалкую кучку плетущихся в хвосте «буржуазной науки» отщепенцев. На этой сессии были «все свои», поэтому как густой вязкий сироп лилось славословие в адрес Лысенко. В позу оскорбленной добродетели становились такие прожженные карьеристы, как Н. Нурдин, который в своем выступлении обвинил генетиков в «групповщине», в ведении борьбы, «которая мешает работать, мешает готовить кадры...наносит огромный ущерб теории и практике» (Положение в биологической науке: Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. М., 1948. С. 101). Фигура Нурдина особенно одиозна потому, что это был генетик, получивший хорошее образование и в свое время защитивший кандидатскую диссертацию по проблеме сугубо формально-генетическим на кафедре генетики МГУ, которой руководил А. С. Серебровский. Нурдин все прекрасно понимал, но сделал ставку на Лысенко и не проиграл. При мощной поддержке Лысенко он стал членом-корреспондентом АН СССР. Такие личности всегда вызывают особое презрение, ибо для достижения своих корыстных целей готовы все продать и предать. Среди лысенковцев было немало людей, в силу своей необразованности ис-

кренно веривших в истину лысенковских положений. Какой же с них спрос? А то, что им после разгрома, учиненного сессией 1948 г., достались кафедры, лаборатории, чины, так кто же станет отказываться, коль само в руки плывет? И они, наслаждаясь доставшимися им благами, могли с чистой совестью проповедовать то, во что верили.

В июле 1948 г. я находилась под Каширой в 12 километрах от Кропотовской биостанции: собирала природные популяции дрозофилы. Я часто совершала пешие прогулки на станцию, а иногда оставалась там ночевать у друзей. Туда пришла тревожная весть об открытии сессии ВАСХНИЛ. Конечно, никому в голову не могло прийти, что ее последствия будут такими катастрофическими. Ведь сессии и дискуссии были и прежде и никаких глобальных изменений в приказном порядке не следовало. Так как мне все равно надо было отвезти собранный мною материал на кафедру, я поспешила в Москву. Попасть на сессию можно было только по пригласительному билету, в крайнем случае воспользоваться чужим. Иосиф Абрамович Рапопорт много лет спустя рассказывал, как его не пускали на сессию. Даже грудь, увешанная боевыми орденами, и марлевая повязка, прикрывающая пустую глазницу (он потерял глаз на фронте), не возымели действия на стражей, стоявших у входа в зал заседаний. Ему дала пропуск одна знакомая. Тем более издевательски звучали слова вновь испеченного академика ВАСХНИЛ А. А. Авакяна, когда он с деланным негодованием заявил в своем выступлении: «Отсутствие в этом зале руководящих работников многих научных учреждений и особенно менделистов-морганистов, работающих в Советском Союзе, мы считаем недостойным для советского учебного. Вношу такое предложение: считать, что этим самым продолжатели учения Вейсмана ставят себя вне советской науки». И далее в адрес Б. М. Завадовского этот деятель изрек: «...среда академиков Академии сельскохозяйственных наук есть такие, которые действительно вели себя недостойно для советского ученого. В частности, Б. М. Завадовский за последние годы не упускал ни одной возможности, чтобы не охаять мичуринское направление. Если Б. М. Завадовский будет и дальше отсутствовать на сессии, молчать и не выступать, то, думаю, что выражаю мнение всех академиков, его надо будет попросить выступить» (там же, с. 153). А ведь вся лысенковская рать прекрасно знала, что отсутствие большинства сторонников «формальной» генетики было ими же тщательно подготовлено. Можно лишь удивляться тому, что все-таки кое-кому из ведущих оппонентов Лысенко удалось попасть на заседания сессии и выступить. В своей речи на сессии Б. М. Завадовский просто и ясно об этом сказал: «Я считаю, что были не совсем нормальные условия организации сессии, ибо не было предоставлено достаточных возможностей для всех тех, кто зачислен по праву и в особенности не по праву в разряд вейсманистов-морганистов, подготовиться и полноценно высказаться. Достаточно сказать, что я узнал официально о том, что сессия состоится, только 30 июля, приехав сюда, чтобы отправиться для лечения в другой санаторий (Завадовский был болен диабетом. — Э. М.), хотя Академия и ее руководство знали, что я лечусь в Кисловодске». Я еще вернусь к выступлению Завадовского, так как считаю, что оно заслуживает более подробного изложения.

Как уже говорилось выше, из оппонентов Лысенко выступили только восемь человек, причем лишь трое из них были «формальными» генетиками: Антон Романович Жебрак, академик Белорусской академии наук, зав. кафедрой генетики Тимирязевской сельскохозяйственной академии; Иосиф Абрамович Рапопорт, доктор биологических наук, старший научный сотрудник Кольцовского института; Сос Исакович Алиханян, доцент кафедры генетики МГУ. Из тех, кто выступал на предыдущих сессиях и дискуссиях, уже многих не было в живых. Н. И. Вавилов, который в одном из своих выступлений сказал: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся», уже в 1940 г. взошел на костер и сгорел в саратовской тюрьме. А. С. Серебровскому, основателю кафедры генетики МГУ, члену-корреспонденту АН СССР, действительному члену ВАСХНИЛ, судьба была более милостива: за месяц с небольшим до сессии (26 июня 1948 г.) он умер. Помню, с какими почестями его хоронили на Новодевичьем кладбище, какую прочувствованную речь над могилой произнес акад. Опарин! Это еще одно доказательство того, что до самого открытия сессии даже он не мог определить, откуда дует ветер. Н. П. Дубинин, яростно выступавший против Лысенко на предыдущих дискуссиях, в это время отдыхал на реке Белой и не имел ни малейшего представления о нависшей беде. Выступления восьмерых оппонентов Лысенко были разными. Особенно примечательным было не столько выступление, сколько поведение И. А. Рапопорта. Он появился на сессии в гимнастерке (в те времена многие участники войны продолжали носить гимнастерки), при всех орденах*. На сессии Рапопорт бушевал: выкрикивал с места, называл сторонников Лы-

* С первого дня войны Иосиф Абрамович добровольно ушел на фронт. В 1941 г. он получил сквозное ранение в плечо. Попал в госпиталь в Тбилиси. После госпиталя вернулся в строй. Затем его перевели в Иран, где в то время находились наши войска. Там он тяжело заболел малярией. При первой возможности добился переброски в Россию. В 1943 г. его командировали в Москву в военную академию. Воспользовавшись своим пребыванием в Москве, он защитил докторскую диссертацию на тему «Фенотипический анализ независимой и зависимой дифференцировки», подготовленную перед войной. После прохождения курса в военной академии вернулся в действующую армию. В сражениях потерял глаз. Через 4 месяца вышел из госпиталя и снова отправился (см. сл. стр.)

сенко обскурантами. Конечно, реплики с места — не лучший способ убедить аудиторию в своей правоте, но в этой аудитории ничто не могло никого убедить. Вся обстановка, весь дух происходящего вызывал чувство удущья. Подавать реплики с места, сбивать с толку выступающих, задавать «коварные» вопросы считалось прерогативой Лысенко, Презента и иже с ними. То, что Рапопорт позволял себе действовать таким же образом, вызывало негодование лысенковцев. Они требовали призвать его к порядку. Интересно отметить, что в опубликованном стенографическом отчете реплики Рапопорта почти не приводятся, зато в выступлениях лысенковской рати то и дело звучат негодующие высказывания по поводу этих реплик.

Вернемся к выступлению Б. М. Завадовского на сессии. Борис Михайлович Завадовский, работавший в области физиологии, в частности, изучавший функцию щитовидной железы, в течение многих лет занимался также проблемами эволюции. Он был организатором хорошо известного и ныне Биологического музея им. Тимирязева и бессменным его директором с 1922 (официальная дата открытия музея) до 1949 г. С самого начала своей деятельности, идя по следам философских дискуссий двадцатых—начала тридцатых годов, он занял позицию «борьбы на два фронта»: борьбы с «меньшевиствующим идеализмом» (к этой категории относили «вейсманизм», автогенез) и борьбы с механо-ламаркизмом (признание наследования приобретенных признаков). Об этом он писал в очерке «Дарвинизм и марксизм», опубликованном еще в 1926 г. Как уже упоминалось выше, в дискуссии 1936 г. Завадовский один из немногих действительных членов ВАСХНИЛ горячо поддерживал Лысенко. И в дискуссии 1939 г. он «на 95%» соглашался с ним. Естественно, генетики относились к Завадовскому весьма критически. Но вот появились опусы Лысенко по видообразованию, потрясшие весь биологический мир. И Завадовский ринулся в бой защищать дарвинизм. Он активно выступал в МГУ на конференции по проблемам дарвинизма с той же позиции «борьбы на два фронта», но теперь он уже Лысенко причислял к механо-ламаркистам. На сессии 1948 г. и до этого в печати Лысенко и его сторонники, в частности В. Н. Столетов, нападали на Б. М. Завадовского, расценивая его «борьбу на два фронта» в области биологии как платформу «политического болота». Надо отдать должное Борису Михайловичу, он был глубоко убежден в своей правоте и горячо, без оглядки защищал свои убеждения. Никто из выступавших с критикой Лысенко на этой сессии не обрушил такого шквала обвинений не только в адрес Лысенко, но и в адрес философа Митина, который как ни в чем не бывало (как будто он в 1939 г. не видел «рационального зерна» в экспериментальных исследованиях генетиков и не критиковал — боже упаси, конечно, не Лысенко — Презента за его цитатологию) клеймил со всей изворотливостью «философской мысли» менделистов-морганистов, в особенности акад. Шмальгаузена, в воззрениях которого он находил «все категории богдановско-бухаринской теории равновесия».

В своем выступлении Завадовский вновь подтвердил, что всегда относился отрицательно к «вейсманизму, менделианству и "формальной" генетике», поддерживая в этом Лысенко. Поэтому он так протестует, когда его без всяких на то оснований причисляют к сторонникам «формального» генетики. Однако он считает необходимым раскрыть свои глубокие разногласия с Лысенко «...в порядке исполнения своего долга члена партии, чтобы ориентировать более правильно партийные и советские органы и всю советскую общественность об истинном состоянии и нуждах советской науки» (Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ, с. 282). Во-первых, по мнению Завадовского, доклад Лысенко односторонне ориентирует общественность о расстановке сил в советской биологической науке. Во-вторых, он отстаивает свои позиции, что в эволюционной теории существуют три направления: «генеральная линия» — это линия Дарвина—Тимирязева, и «борьба на два фронта» — это борьба с упрощенческим направлением неолamarкизма и борьба с вейсманизмом-менделизмом. Если бы Лысенко и его сторонники «не только почитали, но и читали» Тимирязева, тогда все стало бы на свои места. Далее Завадовский указал, что Тимирязев делал различие между накопленным фактическим материалом при изучении хромосомно-ядерных механизмов наследственности («менделизм» в терминологии Тимирязева) и теми «идеалистическими и реакционными» выводами, неправоммерно сделанными из этих научных фактов. Лысенко же отбрасывает сами факты. И тут Завадовский цитирует слова, сказанные философом Митиным во время дискуссии 1939 г., а на этой сессии выступившим как Иван, не помнящий родства. Завадовский задает вопрос: «Но я спрашиваю тов. Митина — когда он неправильно информировал общественность, говоря о двух направлениях биологической науки? Тогда ли, когда он писал эту статью, или сейчас, когда он, фальсифицируя положение вещей, ориентирует на то, что су-

на фронт. К этому времени его докторская степень была утверждена в ВАКЕ, и он мог бы вернуться к научной работе. Но он воевал до последнего дня войны. Сражался в Венгрии и Австрии. Одним из первых был награжден американским орденом Почетного легиона. Награжден, помимо других советских орденов, орденом Суворова III степени. Получил в награду золотое оружие. Часто бывает так, что человек, совершивший подвиги на войне, проявивший чудеса храбрости на поле боя, не дрогнувший перед пулями врага, в гражданской жизни утрачивает все эти боевые качества. Об Иосифе Абрамовиче этого сказать нельзя.

уществовала и существует только вторая точка зрения на эволюцию?» Завадовский лояльно защищает тех, кого он считает своими единомышленниками, и порицает то, что он считает ложным во взглядах лысенковцев: «Неправильно огульно здесь выступать с ошельмованием таких крупнейших дарвинистов, как академик И. И. Шмальгаузен и его последователи». Он бесстрашно ополчился на те органы печати, которые «...огульно опорочивают всех тех советских ученых, которые не включились в хор поклонников Лысенко...» Справедливо отрицая возможность применения вегетативной гибридизации в животном мире (хотя таковая не существует и в растительном мире, но Завадовский допускает ее у растений), он взывает к лысенковцам: «Должно быть физиологи и животноводы недостаточно талантливы. Помогите нам, таланты и поклонники талантов, окажите нам действенную помощь». Завадовский называет вещи своими именами и, в отличие от своих выступлений на дискуссиях 1936 и 1939 гг., бьет Лысенко по всем статьям. Бездоказательное отрицание Лысенко основного положения Дарвина о внутривидовой конкуренции как главного фактора эволюции вызывает у Завадовского протест, который он выражает без обиняков: «Кто дает право под формулу дарвинизма включить то содержание, которое противоречит этому учению? Надо называть, тов. Лысенко, вещи своими именами. Но тогда перед тов. Лысенко встает обязанность не диктаторски и не изречениями оракула заставить нас изменить свое отношение к дарвинизму, а дать всестороннее обоснование новых лысенковских воззрений, показать, во имя чего и почему мы неоламаркизм должны перестать разоблачать как антидарвинистическое, антимарксистское учение» (Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ, с. 294). Я так подробно останавливаюсь на выступлениях Б. М. Завадовского потому, что оно всех поразило своей резкостью и бескомпромиссностью, которых генетики от него меньше всего ожидали. Правда, уже во время конференции в МГУ Завадовский критиковал лысенковские положения о видообразовании. Однако, поскольку он всегда при этом считал необходимым порицать «вейсманизм-морганизм», генетики относились к нему с большой долей скептицизма. Но здесь, можно сказать, в логове лысенковщины он проявил самоотверженную смелость и показал, что лысенковские положения о случайности и необходимости в корне противоречат марксистскому положению о случайности как форме проявления необходимости, т. е. той азбучной истине, которую мы усвоили со школьной скамьи. Собственно говоря, это должны были выявить и обратить на это сугубое внимание философы в лице их столпа Митина. Но эти философы тревожились не за истину и не за сохранение чистоты марксистско-ленинских положений, а за себя, за свое благополучие, и они не проиграли.

Два совершенно противоположных выступления оставили глубокий след в моей памяти. Они как нельзя ярче высветили характер и сущность их авторов. Это выступления акад. В. С. Немчинова и проф. И. М. Полякова. Акад. Немчинов был директором Тимирязевской академии, по специальности экономист и статистик. Никакого отношения к биологии, а тем более к генетике он не имел. И вполне мог бы не участвовать в обсуждении положения в биологической науке. Но он был гражданином в высоком смысле этого слова и в самом конце сессии, когда достаточно ясно обрисовалась расстановка сил и когда люди осмотрительные, пекущиеся более о себе (хотя подавалось это как забота о деле, которому они служат), держались бы от драки, акад. Немчинов счел своим долгом взять слово. Он горячо выступил в защиту Антона Романовича Жебрака, его блестящих работ по полиплоидии у пшениц и других сельскохозяйственных растений. Он заявил, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества. На реплику с места: «Вам нужно уйти в отставку» — Немчинов ответил: «Возможно, что мне нужно уйти в отставку. Я за свою должность не держусь». Его без конца грубо перебивали, засыпали «коварными» вопросами, выкрикивали различные обвинения в его адрес, но Немчинов держался с достоинством, отметал всякую напраслину и мужественно отстаивал то, во что верил. Иначе вел себя проф. Поляков, член-корреспондент Украинской АН, зав. кафедрой дарвинизма и генетики Харьковского университета. Выше уже говорилось, как совершенно неожиданно для генетиков он выступил в защиту Лысенко во время дискуссии 1939 г. Правда, после лысенковских опусов по видообразованию он уже стал весьма осторожно высказываться критически о ряде положений, выдвинутых Лысенко, в частности, на упоминавшейся конференции по проблемам дарвинизма в МГУ. В своем выступлении на сессии он много говорил об «ошибках» генетиков, об их якобы отрицании роли внешней среды или, во всяком случае, недооценке ими влияния внешней среды на процессы развития. Он пытался изложить свою точку зрения на роль среды в процессах изменчивости и эволюции, но его неоднократно перебивали Лысенко и Президент. Полякова, можно сказать, с пристрастием допрашивали: не давал ли он хвалебную рецензию на книгу Шмальгаузена «Факторы эволюции» и не представлял ли он эту книгу на Сталинскую премию. Поляков был растерян и жалок. Было неловко смотреть на этого интеллигентного, образованного человека, не сумевшего сохранить свое достоинство и честь.

На последнем заседании сессии, 7 августа, прения были прекращены и заключительное слово было предоставлено Т. Д. Лысенко. Он сказал: «Товарищи! Прежде чем перейти к за-

ключительному слову, я считаю своим долгом заявить следующее. Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: "ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его". Закончил Лысенко в традициях того времени: «Слава великому другу и корифею науки — нашему вождю и учителю товарищу Сталину!»

Сразу после заключительной речи Лысенко слово для заявления взяли П. М. Жуковский, С. И. Алиханян и И. М. Поляков и отреклись. Все трое были членами партии и, безусловно, считали отречение от своих взглядов своим партийным долгом. Речь акад. П. М. Жуковского, крупнейшего специалиста в области культурной флоры, неоднократно прерывалась аплодисментами, особенно продолжительными после его слов: «...я заявляю: я буду бороться — а иногда я это умею — за мичуринскую биологическую науку». Покаяние Алиханяна, четыре года сражавшегося на фронте, инвалида Великой Отечественной войны, вызвало жидкие аплодисменты, а покаяние Полякова — никаких. Так была дана оценка значимости перехода на сторону Лысенко каждого из этих трех ученых. Лысенко членом партии не был.

Разгром

Все вынесли стены — и язву, и мор,
И ор петушинный двенадцати ратей.
Но свой оказался острее топор —
Стал пуст монастырь и замолкнул собор,
Не шепчет молитв и не хочет проклятий.

С. Липкин «Памятники старины»

В день закрытия сессии в «Правде» появилось письмо Юрия Андреевича Жданова И. В. Сталину. Хотя письмо было опубликовано 7 августа, оно датировано 10 июля. Такая задержка в публикации была, естественно, не случайна. Анализ этого письма еще раз подтверждает, что лица в самых «верхах», непосредственно «курировавших» науку, еще в начале июля не имели представления о том разгроме, который готовился в тиши и в результате которого Лысенко будет возведен так высоко, что каждая когда-либо высказанная им благоглупость будет канонизирована и считаться непререкаемой истиной. Поэтому письмо не могло быть опубликовано до сессии, — чтобы не «вспугнуть». Ю. Жданов писал: «Выступив на семинаре лекторов (10 апреля в Политехническом музее. — Э. М.) с докладом о спорных вопросах современного дарвинизма, я, безусловно, совершил целый ряд ошибок. Ошибочной была сама постановка этого доклада. Я явно недооценивал свое новое положение работника аппарата ЦК, недооценил свою ответственность, не сообразил, что мое выступление будет расценено как официальная точка зрения ЦК...» Самое знаменательное, на мой взгляд, в покаянном письме Ю. Жданова — это оценка деятельности Лысенко: «Я не согласен с некоторыми положениями академика Лысенко (отрицание внутривидовой борьбы и взаимопомощи, недооценка внутренней специфики организма), считаю, что он еще слабо пользуется сокровищницей мичуринского учения (именно поэтому Лысенко не вывел сколько-нибудь значительных сортов сельскохозяйственных растений), считаю, что он еще слабо руководит нашей сельскохозяйственной наукой. Возглавляемая им ВАСХНИЛ работает далеко не на полную мощность. В ней совсем не ведутся работы по животноводству, по экономике организации сельского хозяйства, слабо поставлены работы по агрохимии (выделено мною. — Э. М.). Но критиковать все эти недостатки нужно было не так, как это сделал я. В результате моей критики Лысенко формальные генетики оказались "третьими радующимися"».

Публикация письма, в котором содержалась хоть малейшая критика в адрес Лысенко, после заявления на сессии, что доклад одобрен ЦК, означала подписание приговора его автору, тяжесть которого мог определить только вершитель наших судеб. В данном случае приговор не был тяжким. Ю. Жданов сохранил свое положение.

Начиная с 4 августа, когда появился доклад Лысенко в «Правде», вал различных публикаций, «разоблачающих» менделистов-вейсманистов, непрерывно нарастал. Громились книги, монографии, учебники, причем не только имеющие непосредственное отношение к генетике и дарвинизму, но и по общей биологии и даже патологической физиологии.

Очень тяжелое впечатление произвело письмо Жебрака в редакцию «Правды». Этот такой спокойный на вид, коренастый, голубоглазый, светловолосый белорус, можно сказать, олицетворял все то, что дала советская власть рабочим и беднейшему крестьянству. В прошлом батрак, он в 1918 г. вступил в ряды коммунистической партии. Упорным трудом достиг вершин в области генетики растений. Его работы по полиплоидии и культурных растений стали основополагающими, на них ссылались ученые всего мира, работавшие в этой области. Выступление Жебрака на сессии резко отличалось от выступлений остальных противников

Лысенко. Он ни с кем не полемизировал, просто рассказал о цели, ходе и результатах работ, которые проводились под его руководством коллективом кафедры генетики Тимирязевской академии; привел данные по получению путем отдаленной гибридизации полиплоидных форм и восстановлению плодovitости этих гибридов посредством последующего удвоения числа хромосом в результате обработки колхицином гибридного растения на разных стадиях развития. Таким путем был получен более высокохромосомный тип пшеницы, обладающий ценными для сельского хозяйства качествами. Он последовательно и подробно излагал пути преодоления бесплодия отдаленных гибридов. Он сказал: «Я считаю, что эти факты по экспериментальной полиплоидии у культурных и диких растений являются существенным доказательством правильности хромосомной теории наследственности». Его пытались перебивать, задавали вопросы, на что он очень спокойно отвечал: «Я эти вопросы освещу в той последовательности, как у меня намечено». И вдруг — покаянное письмо. Читать его было горько, еще горше было сознавать, чего оно стоило этому честнейшему, глубоко порядочному человеку. Почему он это сделал, ясно из его заявления: «До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике и споры между этими направлениями рассматривались как творческие дискуссии, помогающие в споре найти истину, я настойчиво отстаивал свои взгляды... Но теперь, когда мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления одобрены ЦК ВКП(б), то я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии». Никаких реверансов в сторону Лысенко. В газете был напечатан комментарий от редакции к заявлению Жебрака. Ему по всем пунктам учинился разнос, который, однако, снисходительно заканчивался так: «Последующая работа профессора Жебрака покажет, насколько это заявление является искренним». Антону Романовичу пришлось испить горькую чашу унижения.

И. А. Рапопорт не покаялся. В течение трех дней, с 24 по 26 августа, состоялось расширенное заседание президиума АН СССР, на котором был сделан ряд оргвыводов. 27 августа в «Правде» напечатано обращение президиума АН СССР к И. В. Сталину; в нем, в частности, было сказано: «...Президиум АН обещает Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и в Вашем лице всей нашей партии и правительству решительно исправить допущенные нами ошибки, перестроить работу Отделения биологических наук и его институтов и развивать биологическую науку в подлинно материалистическом мичуринском направлении...» В опубликованном в том же номере газеты постановлении президиума АН СССР от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук освобожден акад. Орбели, а на его место назначался акад. А. И. Опарин; от обязанностей директора Института эволюционной морфологии был устранен акад. И. И. Шмальгаузен. Управлялась в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лаборатория, которую возглавлял Н. П. Дубинин. В этой лаборатории работал Иосиф Абрамович. Все сотрудники этой лаборатории лишились работы. Были уволены сотни и сотни научных работников, преподаватели вузов, доценты, профессора. Вопрос об устройстве на другую работу стоял очень остро и релшался по-разному. Для бывшего фронтовика, имеющего отечественные награды и ордена иностранных государств, потерявшего на войне глаз, доктора наук нашлось бы какое-нибудь место, соответствовавшее его квалификации, если бы он покаялся. Но Рапопорт молчал. Его, наконец, вызвали в парторганизацию института, затем в райком и МГК, увещевали, призывали к покаянию. Но вместо покаяния он пытался доказать практическую ценность хромосомной теории наследственности. В опровержение его доводов ему указали на доклад Молотова, посвященный 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в котором было сказано: «Дискуссия по вопросу наследственности поставила большие принципиальные вопросы о борьбе подлинной науки, основанной на принципах материализма, с реакционно-идеалистическими пережитками в научной работе вроде учения вейсманизма о неизменной наследственности, исключающей передачу приобретенных свойств последующим поколениям». На это И. А. Рапопорт ответил неслыханной дерзостью: «Почему вы считаете, что В. М. Молотов разбирается в генетике лучше меня?» Его исключили из партии*. Только в 1956 г. Рапопорт смог вернуться к научной работе по химическому мутагенезу: ему предоставил лабораторию в Институте физической химии АН СССР акад. Н. Н. Семенов. До этого Рапопорт долго оставался без работы, затем работал в различных геологических организациях, изучал фораминифер — образующих раковины одноклеточных организмов — для определения возраста горных пород. Ходили легенды, что в этот «геологический период» Рапопорт защитил кандидатскую диссертацию по геологии, но это из области легенд. Ныне И. А. Рапопорт член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии**.

* Излишнего рассказа И. Рапопорта.

** 31 декабря 1990 г. его жизнь трагически оборвалась. — Примеч. ред.

Но вернемся к августу 1948 г. Началась перетасовка кадров во всех высших учебных заведениях: шли приказы по университетам, по сельскохозяйственным, медицинским и педагогическим институтам. Приказом министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова за № 672/К от 16 августа акад. В. С. Немчинов был освобожден от должности директора Тимирязевской академии и на его место назначен В. Н. Столетов; приказом за № 1213 от 23 августа по сельскохозяйственным вузам А. Р. Жебрак освобожден от должности заведующего кафедрой генетики Тимирязевской академии и на его место назначен сам Т. Д. Лысенко; приказом за № 1208 по университетам также от 23 августа освобождены все преподаватели кафедры дарвинизма МГУ во главе с акад. И. И. Шмальгаузенем, а также зав. кафедрой динамики развития М. М. Завадовский, декан биофака С. Д. Юдинцев, зав. кафедрой физиологии растений Д. А. Сабинин, все преподаватели кафедры генетики, включая С. И. Алиханяна. Заведующим кафедрой дарвинизма и деканом биофака МГУ назначен И. И. Презент, который, как совершенно незаменимый, одновременно возглавил кафедру дарвинизма в Ленинградском государственном университете. Итак, блоха победоносно въехала в храм науки на белом коне! Все эти драматические события и судьбы их действующих лиц — материал для особого очерка. Здесь упомяну лишь о судьбе Б. М. Завадовского и о самой трагической — Д. А. Сабинина. Приказом министра высшего образования СССР за № 1259 от 30 августа по пединститутам Б. М. Завадовский был смещен с должности заведующего кафедрой дарвинизма Московского городского пединститута. До 1949 г. он еще оставался директором Биологического музея им. Тимирязева, а затем был освобожден и от этой должности. В марте 1951 г. Б. М. Завадовский умер. Д. А. Сабинин, крупнейший специалист по питанию растений, никакого отношения не имевший к генетике, лишился должности зав. кафедрой физиологии растений МГУ как «вейсманист-морганист». Лысенко не мог простить Дмитрию Анатольевичу уничтожающего анализа своей работы с кок-сагызом, на которой Т. Д. Лысенко построил «теорию» видообразования. Изгнанный из МГУ, проф. Сабинин тщетно пытался устроиться на работу по своей специальности и, не выдержав моральных унижений и материальных невзгод, в 1951 г. покончил жизнь самоубийством.

Здесь следует отметить, что академики и члены-корреспонденты АН СССР и академии наук союзных республик, а также отраслевых академий в материальном отношении находились в лучшем положении: за научное звание они получали вполне приличное денежное вознаграждение. Кроме того, отделы кадров соответствующих академий предоставляли своим членам какую-то работу. Так, Н. П. Дубинину предложили работу в составе комплексной экспедиции по полезитному лесоразведению, которую возглавлял акад. В. Н. Сукачев. Дубинин начал безуспешно изучать фауну птиц в тех местах, где предполагалось создавать новые леса. Для всех остальных, особенно для нераскаившихся, со всей остротой вставал вопрос о хлебе насущном. Выше уже говорилось о том, как И. А. Рапопорт стал «геологом». Можно привести пример с Петром Фомичом Рокицким, крупнейшим специалистом в области генетики сельскохозяйственных животных, который приказом министра высшего образования за № 1210 от 23 августа по зооветеринарному вузам был освобожден от должности заместителя директора Московского пушно-мехового института и заведующего кафедрой разведения сельскохозяйственных животных. В течение некоторого времени Петр Фомич работал преподавателем физики в средней школе.

Меня освободили от работы 1 сентября 1948 г. в связи с «реорганизацией кафедры дарвинизма», хотя формально я числилась старшим научным сотрудником Института зоологии МГУ. В сентябре мне несколько раз приходилось бывать на кафедре, чтобы сдать числящиеся за мной приборы и забрать свое имущество. Кафедра дарвинизма занимала две комнаты: большую, где сидели все сотрудники, и маленькую — кабинет Ивана Ивановича Шмальгаузена. В большой комнате, кроме рабочих мест сотрудников, стоял длинный стол со стульями. За этим столом проводились семинары. В один из моих приходов на кафедру я застала такую картину. Проводила семинар или, возможно, читала лекцию «дама приятная во всех отношениях». Жгучие черные глаза, шляпка а ля «черт побери», роскошный горжет из серебристо-черной лисы, накинутый на роскошные плечи. Что за наваждение — вместо аскетического седовласого Ивана Ивановича! Это ли не наглядная иллюстрация к лозунгу о замене старого, отжившего — новым, молодым! «Дама приятная во всех отношениях» была В. В. Маховко, назначенная профессором кафедры дарвинизма и заведующей лаборатории развития животных МГУ. 18 августа 1948 г. в «Медицинском работнике» появилась ее статья, в которой рассматривались проблемы дарвинизма с новых позиций и, естественно, подвергался суровой критике И. И. Шмальгаузен. В том же номере газеты была напечатана разгромная статья, озаглавленная «Порочный учебник. О "Курсе общей биологии с зоологией и паразитологией" проф. Л. Я. Бляхера», за подписью профессоров Кочергина и Турбина. Появление этих двух статей в одном номере было, можно сказать, знаменательным. В той же газете от 1 сентября под заголовком «Важное решение» сообщалось о совместном приказе министра высшего образования и министра здравоохранения от 24 августа, согласно которо-

му к 1 июля 1949 г. профессорам Кострюковой, Маховко и Макарову надлежало подготовить новый учебник по общей биологии для медицинских вузов. Тем же приказом проф. Л. Я. Бляхер как «активный пропагандиствейсманистского направления» освобождался от заведования кафедрой биологии 2-го Московского мединститута. В скором времени заведующей кафедрой биологии этого института стала В. В. Маховко. Таким образом, Маховко сменила сначала И. И. Шмальгаузена, а затем Л. Я. Бляхера. Образованнейший биолог, эмбриолог, историк естествознания, блестящий педагог, ученик Н. К. Кольцова, Леонид Яковлевич Бляхер в течение нескольких лет был не у дел и только в середине 50-х гг. занял достойное место в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Ну, а новый учебник был подготовлен в срок и увидел свет в 1950 г. Маховко написала главы, относящиеся к учению Дарвина, к развитию биологической науки после Дарвина и к основам «мичуринского учения». Надо отдать ей должное: в главе «Отражение загнивания капиталистической системы в биологической науке» ругань в адрес менделистов-морганистов была по тем временам вполне умеренной. Зато глава, посвященная основам «мичуринского учения» (из 54 страниц 3 отводились биографии Лысенко), писалась с упоением. Любопытно отметить, что, хотя Маховко ушла с кафедры в начале 60-х гг., в 1968 г. вышло пособие «Практикум по общей биологии с основами генетики» для медвузов под ее редакцией. Здесь мы находим задания для практических работ, в частности, по таким темам: «Доминирование и расщепление признаков гибридного потомства», «Хромосомная теория наследственности», «Хромосомная теория определения пола», «Хромосомные болезни человека». Это пособие было переиздано в 1981 г. Вот так-то!

Шли приказы за приказами. Изымались учебники, перестраивались учебные программы, из планов научно-исследовательских учреждений исключались темы, «не способствующие развитию мичуринского учения». Все происходило с невероятной быстротой и к концу августа почти завершилось. Делались головокружительные карьеры.

Очень оперативно, за один месяц, был опубликован стенографический отчет сессии ВАС-ХНИЛ «О положении в биологической науке» в виде толстого тома в твердой обложке. Уже 11 сентября в «Правде» появилась статья по случаю выхода в свет этого тома под заглавием «Торжество мичуринской биологии» за подписью И. Лаптева. В ней мы читаем: «Академик М. Б. Митин подверг критике последователей менделизма-морганизма... Он подчеркнул значение советского патриотизма в науке... <...> В. Н. Столетов на ярких фактах показал, что А. Р. Жебрак, М. С. Навашин, Б. М. Завадовский, И. А. Рапопорт... являются бесплодными смоковницами» — и все в этом же духе. Но этого было мало. Благовест о столь великом перевороте должен был услышать весь мир. Издательство литературы на иностранных языках получило задание перевести стенографический отчет на английский, немецкий, испанский и французский языки. Срочно были собраны бригады переводчиков. Со мной издательство заключило договор о переводе на английский язык небольшой части этой книги и о научном редактировании всего английского текста. Все должно было быть завершено не позже 15 января 1949 г. Перевод вышел в срок. 13 сентября 1948 г. в «Правде» был напечатан хвалебный отзыв В. Столетова о книге Т. Д. Лысенко «Агробиология» под заглавием «Выдающееся произведение агробиологической науки». Понадобился перевод и этого «выдающегося произведения». Мне довелось участвовать в редактировании и этого перевода. А затем мне поручили перевести на английский «труд» самого Столетова «Начальные основы мичуринской биологии». Договора на эти переводы и на их редактирование я до сих пор храню как документы исторического значения. Таким образом, по высочайшему повелению весь мир был оповещен о том, что сотворили с биологической наукой в нашей стране. А в 1945 г. мне было так страшно, что вот Хаксли напишет о Лысенко и лысенковщине в западных научных изданиях и этим самым бросит тень на науку и научные достижения в Советском Союзе!

31 августа 1948 г. умер А. А. Жданов. В некрологе было сказано, что «после тяжелой болезни». В «Известиях» 1 сентября по случаю смерти А. Жданова появилась заметка Т. Д. Лысенко под заглавием «Он вдохновил нас на борьбу за дальнейший расцвет науки».

* * *

Ровно через 45 лет после моего первого приезда в Петрозаводск я снова побывала в этом городе. Весной 1985 г. у меня была командировка в Петрозаводский университет, где мне предстояло провести читательскую конференцию по обсуждению Реферативного журнала «Биология», издаваемого ВИНТИ, в редакции которого я работала в течение последних 27 лет. Выше я уже говорила, что уехала из Петрозаводска в августе 1941 г. и с тех пор там ни разу не была. Как известно, город был основательно разрушен во время войны, однако здание Петрозаводского университета сравнительно мало пострадало, а дом рядом с университетом, где жили преподаватели, полностью сохранился. Здесь у меня была комната в четырехком-

натной коммунальной квартире. Мне очень захотелось взглянуть на нее. Рано утром перед отъездом я постучалась в квартиру. Мне открыла дверь небольшого роста женщина примерно моего возраста. Я извинилась за ранний визит и объяснила, что через несколько часов уезжаю и что мне очень захотелось вспомнить прошлое, так как вряд ли еще доведется побывать в этих краях. Женщина приветливо пригласила меня войти. Оказывается, слух о том, что по дому бродит призрак из прошлого (я пыталась найти кого-нибудь из бывших знакомых и все ж таки двоих нашла), уже облетел квартиры. «Моя» квартира так и осталась коммунальной. К сожалению, комната, в которой я жила и где оставила все свои книги и имущество, так как уезжала, как думала, ненадолго, от силы на три-четыре месяца — ведь война долго не продлится, была закрыта: то ли жилища еще спала, то ли ушла по своим делам. Разговорилась с приветливой хозяйкой комнаты напротив «моей». Выяснилось, что уже после войны, в начале 50-х гг. она приехала в Петрозаводск и преподавала в университете те же предметы, что и я. В настоящее время она на пенсии. Я поинтересовалась, где она училась, у кого. Оказывается, в Ленинграде, у Презента. У меня невольно вырвалось: «Как, у этого подонка!» Моя собеседница вскинула на меня возмущенный взгляд: «Почему подонка?» Боже мой, сколько раз зарекалась не принимать каждого, с кем разговариваю впервые, за своего единомышленника. Я что-то пробормотала об уроне, нанесенном науке. Женщина с искренним удивлением сказала: «Но причем тут Презент? Такие были времена!»

1986—1987 гг.